

Идея теракта 11 сентября была выдвинута русскими боевиками-эсерами в 1907 году. Аэроплан, управляемый террористом-самоубийцей, должен был спикировать на царский дворец

Борис Савинков, великий и ужасный

Сегодня — 125 лет со дня рождения Бориса Савинкова. Он руководил охотой на царских сановников и красных комиссаров, писал талантливые книги и сам был персонажем советских детективов. Им восхищались Уинстон Черчилль и Зинаида Гиппиус, Бенито Муссолини и Сомерсет Моэм. Политические страсти, волновавшие его, ушли в прошлое. Проза сегодня переиздается и экранизируется. Личность по-прежнему вызывает интерес.

«Артист авантюры». Савинков, которого мы знаем

Савинков Борис Викторович (1879–1925) — один из лидеров партии эсеров. После окончания гимназии поступил в Петербургский университет, за участие в студенческом движении исключен. Поначалу примкнул к социал-демократам, в 1901 г. арестован, сослан в Вологду, но в 1903 г. бежал. В Женеве вступил в боевую организацию партии социалистов-революционеров (эсеров), принимал активное участие в организации ряда громких террористических актов — в том числе убийства министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. В 1906 г. арестован в Севастополе. Накануне суда бежал. В эмиграции начал писать. Вскоре стал известен как талантливый литератор (псевдоним В. Ропшин). Его книги «Конь бледный» и «То, чего не было» — история молодых людей, ушедших в террор, их нравственных поисков и разочарований. Во время Первой мировой войны — во-

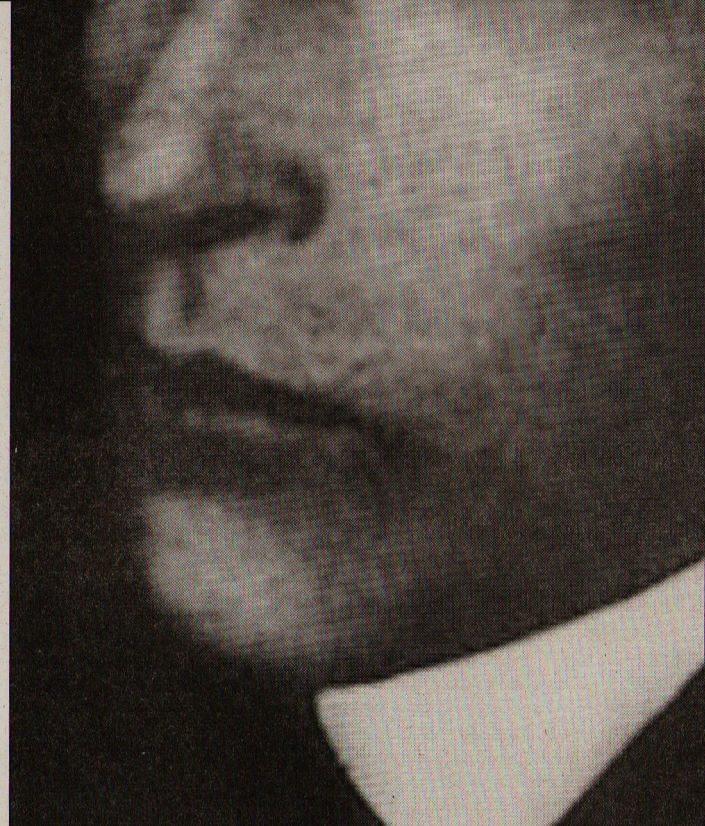
енный корреспондент русских газет при французской армии. После Февральской революции возвращается в Россию. Был комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, товарищем военного министра; активно выступал против большевиков как «элементов, разлагающих армию». Попытка Савинкова примирить Керенского и Корнилова, готовившего мятеж против Временного правительства, оказалась неудачной и закончилась исключением Савинкова из партии эсеров. Во время Октябрьской революции безуспешно пытается освободить Зимний дворец. С началом Гражданской войны — на Дону, поддержал создателей Добровольческой армии. На советской территории поднял антибольшевистские восстания в Муроме, Ярославле, Рыбинске, пытался организовать покушение на Ленина и Троцкого. Входил в делегацию, представляющую белых во Франции, вел переговоры с дипломатами стран Антанты. С

началом советско-польской войны 1920 г. — в Варшаве, формирует русские части на стороне Пилсудского. После окончания войны создает «Русский политический комитет», который управляет в рейды по советской территории отряды «зеленых» атаманов. Постепенно разочаровывается и в белом и в «зеленом» движении — это отразилось в его книге «Конь вороной». В 1924 году чекисты сумели заманить Савинкова в СССР, в Москве над ним был устроен громкий судебный процесс (события, которые стали основой популярного в советское время фильма «Крах»). На суде Савинков заявил о раскаянии и признании Советской власти, был приговорен к расстрелу, который тут же заменили десятилетним заключением. Содержался на Лубянке во внутренней тюрьме ВЧК. 7 мая 1925 года покончил с собой (по другой версии убит). Хорошо знавший его Луначарский назвал Савинкова «артистом авантюры».

кинжал или револьвер. Обдумывались и довольно экзотические (особенно для своего времени) приемы борьбы. Сам Савинков мечтал вместе с товарищами, нагруженный динамитом, ворваться в Зимний дворец (или здание Совета министров). В 1907 году Савинков узнал, что русский инженер-анархист Сергей Бухало строит самолет, способный развивать неслыханную по тем временам скорость 140 км/час, набирать огромную высоту и стартовать из Англии. Появилась идея: управляемый террористом-самоубийцей аэроплан должен спикировать или на Царскосельский, или на Петергофский дворец, покончив тем самым с царем и его близкими. Савинков был в восторге от проекта. «Это первый шаг к радикальному решению вопроса о терроре», «боевая организация становится непобедимой», «все надежды на научную технику», «террор действительно подымался на небывалую высоту». Тут сама собой возникает перекличка с событиями 11 сентября, но между идеями Савинкова и нынешними шахидами ничего общего, кроме одного: у всех, кто стал на тропу террора, желание эффектно закончить жизнь превращается в навязчивую идею. Савинков сумел вовремя остановиться. Предательство Азефа, истощенность террора как метода борьбы надомляли его. Пришло время осмысления. Литературной наставницей Савинкова была Зинаида Гиппиус. Она придумала ему псевдоним «В. Ропшин» и название первого романа — «Конь бледный». «Конь бледный» и «То, чего не было» в России стали бестселлерами, хотя товарищи сочли их почти предательством. Гонорары обеспечили Савинкову скромное, но безбедное существование за границей — дома его наверняка ждал бы смертный приговор. Савинков вернулся в Россию после февраля 1917-го и сделал стремительную карьеру. Энергии и честолюбия хватало с избытком,

Балаховича в 1920 г. — «Известия»). Советская власть мстила: в ЧК расстреляли одну из его сестер и ее мужа. Первой женой Савинкова была дочь классика русской литературы Глеба Успенского. Потом он женился на вдове своего свершенного товарища Льва Зильберберга. Его последняя женщина — Любовь Ефимовна, жена давнего друга Александра Дикгоф-Деренталя. Когда-то Дикгоф-Деренталь был одним из тех, кто за провокационное повесил Гапона. В Гражданскую он стал ближайшим соратником Савинкова. Это был «брак по Чернышевскому»: формально не порывая с мужем, Любовь Ефимовна открыто жила с Савинковым. С Черчиллем Савинков встречался во время Гражданской войны и еще раз в 1921 году. Тогда же в Англии он встретился с советским наркомом внешней торговли Леонидом Красным. Шло прощупывание: на каких условиях Савинков (харизматическая фигура!) согласится сложить оружие и что взамен может предложить ему Советская власть. Условиями Савинкова были: свободные выборы в Советы, ликвидация ВЧК и право крестьян на землю. Не договорились. Позднее Савинков пытался получить финансовую и политическую поддержку у Муссолини. Встреча с дуче происходила в марте 1922 года. Итальянский фашизм еще не успел настолько зарекомендовать себя, и многие тогдашние интеллектуалы смотрели на него как на вполне здоровое движение, борьбу решительных людей с двуличными, болтливыми демократиями. Социалист Савинков интересовался опытом бывшего социалиста Муссолини. Операция по поимке Савинкова считается классикой спецслужб: чекистам удалось убедить его, что в СССР существует подпольная террористическая организация и ее якорь эмиссары уговорили Бориса Викторовича вернуться в Россию и возглавить борьбу. К тому времени Савинков полностью разочаровался и в бе-

нее белье арестованной: «Как вы могли надеть это, идя в СССР? Вас же здесь любая женщина вычислит!» Любовь Ефимовна вздохнула: «Я выбрала самое плохое, что у меня было!». Скромной комсомолке любое французское белье могло показаться шикарным. Но конспиратор Савинков явно дал промашку. Промашку ли? Следствие было завершено в рекордно короткие сроки. Уже 29 августа 1924 был вынесен приговор. Любопытно, что события, происходившие в период с 16 по 21 августа, в документах не отражены (во всяком случае не опубликованы). Между тем это ключевой момент в судьбе Савинкова, потому что дальнейшие события выглядят каким-то фарсом. На суде Савинков кается. Ему дают «вышку», которую тут же заменяют десятилетним сроком. Он сидит на Лубянке во внутренней тюрьме в камере с коврами и мебелью, посещает в обществе чекистов рестораны, получает немалые гонорары за свои рассказы, публикующиеся в советской периодике, в письмах за границу уговаривает друзей-эмигрантов прекратить борьбу. Любовь Ефимовна сначала живет с ним в камере, затем навеивает почти без ограничений. Чекисты катают Савинкова по Москве, возят в театр, приглашают к себе в гости. Идиллия! Или признак какой-то договоренности между Савинковым и Советской властью? 13 мая 1925 года в «Правде» появляется сообщение, что Борис Савинков покончил с собой, выбросившись из окна. Спор о его смерти — отдельная тема. Александр Дикгоф-Деренталь в СССР работал в ВОКСе — Обществе культурных связей с заграницей. В 1939-м расстрелян. Любовь Ефимовну тоже арестовали, она была в лагере, потом почти двадцать лет — в ссылке в Магадане. Амнистирована (реабилитирована только в 1997 году). В 1960-м уехала в Мариуполь — старая, больная, всеми забытая, никому не нужная. Дальнейшие следы теряются.

Борис Савинков сам собирался стать «первым русским шахидом»

«Один из самых удивительных людей, каких мне доводилось встречать». Савинков, которого мы не знаем

Он был невысокого роста, ладно сложенный. Современники в мемуарах отмечают: некрасив. Как публичный оратор (качество важное для той говорливой эпохи) не выделялся: голос, когда приходилось говорить громко, звучал резко и неприятно. Но в личной беседе мог очаровать. Черчилль вспоминает о Савинкове поместил в сборник «Великие современники». Сомерсет Моэм, известный английский писатель, познакомился с Савинковым при выполнении «специальной миссии» в России в 1917 году (Моэм тогда служил в британской разведке). Его оценка — «один из самых удивительных людей, каких мне доводилось встречать». Мать Савинкова — сестра знаменитого художника-передвижника Ярошенко, популярная в свое время писательница (псевдоним — С.А. Шевиль). Отец — судья в Варшаве: славился справедливостью и личной порядочностью. Сошел с ума после арестов сыновей. Старший брат за участие в революционной деятельности был сослан в Якутию, где покончил с собой. Но приход Бориса в революцию не связан лишь с мотивами личной мести режиму. Оппозиционность была общим настроением тогдашней интеллигенции. Савинков начинал с относительно «вегетарианских» убеждений, был социал-демократом — «экономистом». В 1901 г. его сослали до суда в Вологду. Товарищами по ссылке были: Анатолий Луначарский — будущий большевистский нарком просвещения; Павел Шегелев — потом крупный историк и пушкинист; Алексей Ремизов — впоследствии известный русский писатель. Все отбыли наказание. Савинкова, однако, распырил бешеный темперамент.

К этому времени возникла партия эсеров — она провозгласила себя идейной наследницей народовольцев и провела несколько терактов. Разочарованный в марксизме Савинков понял, где его место. Боевая организация партии социалистов-революционеров (БО) была организацией абсолютно закрытой и полностью самостоятельной. Вершущая партия лишь выносила приговор тому или иному царскому сановнику, остальное считалось делом БО. Евно Азеф (руководитель БО) и Савинков (его заместитель) сами разрабатывали план действий, подбирали исполнителей — потому в числе боевиков оказались, например, друг савинковского детства Иван Калыев. Никто не имел права сунуть нос в дела БО (конспирация!), проверить финансы. Впоследствии такое прикрытие обернулось скандалом: выяснилось, что Азеф — давний агент охранки; он столько лет благополучно работал на полицию, в частности, потому, что никто его не мог проконтролировать. Эсеровские боевики — люди, как правило, неординарные, каждый пришел в «бомбисты» после долгих нравственных поисков. Поэтому особое значение в их кругах уделялось так называемой «этике террора». Например, выбор жертвы. Карать следовало тех, кто считался крайним реакционером, мрачной и омерзительной личностью, — тогда теракт вызовет симпатию в обществе. (При известии о смерти Плеве самые далекие от революции люди аплодировали. После гибели Сергея Александровича по Москве пошли анекдоты типа «Наконец Великому князю пришлось пораскинуть мозга-

ми» — бомбой Калыева того разорвало в ключья, остатки мозгового вещества отскребали с брусчатки Красной площади. Этих людей все ненавидели.) Губернаторов, жандармских чиновников, военных убивали за подавление рабочих выступлений, крестьянских восстаний — кровь за кровь! Горячо обсуждалась тема «ухода с акта»: должен ли революционер после теракта скрывать и продолжать борьбу или, наоборот, сдать, со скандалом под суд, рассказать, что толкнуло его на крайний шаг, а потом с достоинством принять казнь? Как относиться к попутной гибели случайных людей? Надо ли убивать царя — ведь убийство народовольцами Александра II, наоборот, вызвало среди крестьян толки, что «дворяне убили государя», отменившего крепостное право?.. Для Савинкова все это было не досужими рассуждениями, а важными вопросами бытия. Оружием террористов были не только традиционные бомба,

узко партийный догматиком он не был, Россию любил. Бывший «охотник на губернаторов» на посту управляющего военным ведомством отстаивал необходимость укрепления армии. Большевики гибли случайных людей? Надо ли убивать царя — ведь убийство народовольцами Александра II, наоборот, вызвало среди крестьян толки, что «дворяне убили государя», отменившего крепостное право?.. Для Савинкова все это было не досужими рассуждениями, а важными вопросами бытия. Оружием террористов были не только традиционные бомба,

Евно Азеф был руководителем Боевой организации эсеров и одновременно — агентом царской охранки

Высота подоконника и температура за окном. Смерть Савинкова: убийство или самоубийство?

В Советском Союзе никогда не подвергалось сомнению: Савинков покончил с собой. Эмигрантская пресса 1925 года одно время сомневалась, но потом знавшие Савинкова люди сошлись на мысли — все же самоубийство, логический итог всех его предшествующих настроений. Прошли годы, появился «Архипелаг ГУЛАГ». Солженицын со ссылкой на умиравшего в колымском лагере чекиста Артура Приюбеля утверждал: убит. Набросились четверомер и выкинули из окна. Приюбеля якобы был одним из этих четверых. После рестройки открылись архивы, vyšли сборник документов «Савинков на Лубянке», повесть-исследование В. Шенталинского «Свой среди своих», масса статей. По всему выходило — сам. Но... Вот факты. Утром 7 мая 1925 года Савинков передал письмо Дзержинскому, требовал, чтобы с ним определились — расстрелять или отпустить, да работу. Около 20.00 три крупных чекиста — Сперанский, Пузицкий и Сыроежкин — выехали с Савинковым в Царский парк прогуляться. На Лубянку вернулись в 23.00. Прошли в кабинет № 192 на пятом этаже, принадлежащий заместителю председателя контрразведки Пиларю, ждали конвойных, которые должны были доставить Савинкова в камеру. 23.20. Савинков рассказывает по комнате, рассказывает о своей вологодской ссылке, чекисты сидят: Сперанский (у него заболела голова) — на диванчике, Сыроежкин — за столом, Пузицкий вроде бы захотел пить и вышел из комнаты. Окно распахнуто: душно, вот-вот гроза. И вдруг Савинков, одним прыжком метнувшись к окну, прыгает головой вниз. Более того. Уже в наше время обнаружился почти очевидец этого события. Более чем 100-летний Борис Гудзь, чекист первого призыва, друг Григория Сыроежкина, в тот вечер был в соседней комнате. Помнит весь шум, который тогда поднялся на Лубянке, все разговоры. Он доказывает:

печальное стечение обстоятельств. С пятого этажа можно было по прямому ходу, не через двор, пройти во внутреннюю тюрьму — потому Савинкова привели сюда. А в кабинете № 192 подоконник очень низкий, раньше его вообще не было, был балкончик, который сняли, оставили по сути символическое ограждение. Савинков просто усыпил бдительность сопровождающих. Сыроежкин, вспоминает Гудзь, успел даже схватить падающего за ноги — но не удержал. Есть еще один железный аргумент в пользу самоубийства (его высказал в нашем разговоре режиссер Карен Шахназаров): хотели бы убить — нашли бы менее замысловатый способ. И тем не менее у историка Олега Витальевича БУДНИЦКОГО — своя версия. Правда, оговаривается, документально не подтверждается, психологически-интуитивная.

— Я сам всегда настаивал, что слухи об убийстве Савинкова — чушь. И писал об этом в одной из своих статей. Этот человек с юношества был «заговорен» проблемой смерти, знавший его позднее философ Федор Степун не зря заметил: смерть — единственное, что интересовало Савинкова в жизни. Да и убить Савинкова чекисты могли, если бы захотели, без этих сложностей — и не таких расстреливали. Казалось бы, сборник «Савинков на Лубянке» должен был подтвердить мою точку зрения. Но именно после прочтения документов о смерти Савинкова я усомнился. Конечно, «для чистоты эксперимента» надо бы провести по метеосводкам, какая была погода в Москве в этот вечер — действительно ли стояла такая духота, чтобы держать окна нараспашку? Дело к полному, начало мая в Москве — глобальное потепление все-таки попозже началось. И какова в элостном кабинете № 192 высота подоконника — мог ли немолодой и невысо-

кий Савинков перемахнуть его одним прыжком? Дымок, как известно, в деталях. После гибели Савинкова проводилось служебное расследование. В книге приведены объяснительные записки очевидцев происшествия. Там есть немало нестыковок. Кто из них где сидел? Показывая различия. Где находился Савинков? В показаниях: ходил по комнате, подходил к окну. В заключении следователя: «сидел за круглым столиком» напротив одного из чекистов. Сыроежкин схватил его за ноги? Сам Сыроежкин об этом ни словом не упоминает. Да и картина, которую рисуют чекисты, на мой взгляд, психологически недостоверна: человек предается воспоминаниям юности, а потом вдруг прыгает из окна. Моя версия — Савинкова убили. Или сознательно спровоцировали на самоубийство. Это не был заговор, может быть, все произошло спонтанно. Понимаете, он должен был осточертевать чекистам. Савинков для них — враг. Проведена сложнейшая операция, захватили, привезли. А дальше начиналась какая-то ерунда: приговаривают к расстрелу, тут же милосерд Федор Степун не зря заметил: смерть — единственное, что интересовало Савинкова в жизни. Да и убить Савинкова чекисты могли, если бы захотели, без этих сложностей — и не таких расстреливали. Казалось бы, сборник «Савинков на Лубянке» должен был подтвердить мою точку зрения. Но именно после прочтения документов о смерти Савинкова я усомнился. Конечно, «для чистоты эксперимента» надо бы провести по метеосводкам, какая была погода в Москве в этот вечер — действительно ли стояла такая духота, чтобы держать окна нараспашку? Дело к полному, начало мая в Москве — глобальное потепление все-таки попозже началось. И какова в элостном кабинете № 192 высота подоконника — мог ли немолодой и невысо-